

ПУШКИНСКИЙ ДОМ И ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ В СССР РУКОПИСЕЙ ПУШКИНА (1930–1940-е ГОДЫ): ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Судьба рукописного наследия Пушкина обстоятельно изучена в исследованиях и обзорах Б. Л. и Л. Б. Модзалевских, Б. В. Томашевского, М. А. Цявловского, Н. В. Измайлова, О. С. Соловьевой. В работах этих ученых (все они, за исключением М. А. Цявловского, в разное время были хранителями рукописного фонда поэта в Пушкинском Доме) подробно прослежены основные этапы истории важнейшего пушкинодомского собрания.¹ Формирование этого фонда было неотъемлемой частью общего процесса постепенной концентрации автографов Пушкина в нескольких крупных государственных хранилищах — вплоть до распоряжения Президиума Академии наук СССР от 2 июня 1948 года. В соответствии с ним архивные и музейные фонды Государственного музея А. С. Пушкина,² созданного в Москве в 1938 году и состоявшего в ведении академического Института мировой литературы им. А. М. Горького, были переданы Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии наук. С этого времени практически все рукописи Пушкина — за редким исключением — сосредоточены в его Рукописном отделе.

Право хранения всего рукописного наследия поэта было передано Пушкинскому Дому в середине XX века. Полвека спустя, на фоне 200-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, оно неожиданно стало предметом обсуждения и оценок — архивных, правовых и даже этических. Так, например, Н. Б. Волкова, в то время директор Российского государственного архива литературы и искусства, о постановлении Академии наук 1948 года писала следующее: «Несомненно, концентрация в одном месте всего архивного наследия Пушкина облегчила его описание, изучение и публикацию, в том числе подготовку нескольких собраний сочинений поэта, но одновременно лишила Москву музея (хотя наиболее ценную его часть составили материалы именно московских хранилищ), а московских пушкинистов М. А. и Т. Г. Цявловских, С. М. Бонди, Г. О. Винокура, Л. П. Гроссмана, Д. Д. Благого и других, которые проделали огромную работу по систематизации и описанию пушкинских

¹ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937; *Цявловский М. А.* 1) Судьба рукописного наследия Пушкина // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 260–275; 2) «Посмертный обыск» у Пушкина // Там же. С. 276–356; Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964; *Измайлов Н. В.* О рукописях Пушкина // *Белые ночи*. Л., 1974. С. 52–88, и др.

² Далее используется и аббревиатура — ГМП. Отметим, что ныне существующий в Москве Государственный музей А. С. Пушкина (Пречистенка, 12/2) был создан в 1957 году и не является преемником музея, речь о котором идет в настоящей статье.

рукописей, — документальной базы для своих исследований. Кроме того, извлечение пушкинских рукописей и писем из фондов его современников нарушило их целостность, а сами изъятые документы потеряли свой контекст, приведя к утрате связей, благодаря которым они туда попали. <...> Так Москва лишилась Музея Пушкина, а огромное число уникальных документов Архивного фонда перешло из государственной собственности в собственность АН СССР, теперь РАН».³ Жесткие оценки, которые Н. Б. Волкова дала в своей статье процессу изъятия пушкинских рукописей из многих архивов в советское время, можно было бы признать справедливыми, но в отношении другого документа — постановления № 256 Совета народных комиссаров СССР от 4 марта 1938 года «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина» в Москве. К сожалению, это постановление нередко трактовалось как тот исходный документ, на основании которого Пушкинский Дом стал «единственным в стране хранилищем рукописей великого поэта». Именно так интерпретировал его В. Н. Баскаков в обоих изданиях своей монографии «Пушкинский Дом», замечая при этом, что вплоть до конца 1930-х годов сосредоточение рукописного наследия поэта осуществлялось в Пушкинском Доме «стихийно».⁴ Историк Пушкинского Дома упускал из виду тот факт, что в строгом соответствии с правительственным постановлением 1938 года Институт русской литературы,⁵ как и другие архивохранилища, обязан был передать весь свой Пушкинский фонд вновь организуемому московскому музею.

Легенды об изъятиях рукописей поэта, которые якобы производили представители Пушкинского Дома в конце 1930-х годов, время от времени возникают в профессиональной архивной и музейной среде и оказываются на удивление живучими. Так, например, в 1983 году Д. Н. Альшиц рассказывал Н. Я. Эйдельману странную историю о «стараниях» заведующего Отделом рукописей Публичной библиотеки И. А. Бычкова «скрыть пушкинские рукописи (!) от сдачи в П<ушкинский> Д<ом>».⁶

В юбилейном 1999 году была напечатана и статья одной из старейших сотрудниц Российской государственной библиотеки В. С. Гречаниновой. Наряду с публикацией источников по истории пушкинского собрания московского Румянцевского музея мы находим здесь эмоциональный рассказ о том, как в соответствии с постановлением 1938 года из Отдела рукописей Ленинской библиотеки изымались «все материалы, все рукописи А. С. Пушкина, накопленные за семьдесят лет собирательства», и как накануне Великой Отечественной войны «все пушкинские рукописи из Москвы переехали в Ленинград, в Пушкинский Дом». «Сотрудники библиотеки, — вспоминала В. С. Гречанинова, — в том числе и мужчины, плакали, получив это постановление. Так приказом свыше была нарушена воля детей А. С. Пушкина. Так первая библиотека страны была лишена величайшего достояния. Так город Москва утра-

³ Из истории концентрации архивного наследия Пушкина (1930–1940-е годы) / Публ. подг. Н. Б. Волкова // Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 51.

⁴ Баскаков В. Н. 1) Пушкинский Дом: Исторический очерк. 1905–1930–1980. Л., 1980. С. 162; 2) Пушкинский Дом. 2-е изд., доп. Л., 1988. С. 155.

⁵ На протяжении 1930–1940-х годов Институт несколько раз менял свое официальное название (Институт новой литературы, Институт русской литературы, Институт литературы). В предлагаемой статье для удобства изложения используются названия, принятые в настоящее время: и Институт русской литературы (ИРЛИ), и Пушкинский Дом.

⁶ Эйдельман Ю. М. Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 303. Д. Н. Альшиц — историк, источниковед, сотрудник Отдела рукописей Публичной библиотеки в 1945–1949, 1955–1984 годах, автор нашумевшей мистификации, связанной с X главой «Евгения Онегина», якобы обнаруженной им в 1949 году в одном из томов Собрания сочинений П. А. Вяземского. И. А. Бычков, с 1881 года заведовавший Отделением рукописей Публичной библиотеки, скончался в 1944 году. Во время его хранения никогда не ставился вопрос о передаче в Пушкинский Дом сложившегося в Публичной библиотеке собрания автографов поэта.

тил „нравственную связь“ с наследием поэта». ⁷ Завершая статью, ее автор в довольно категоричной форме поставила вопрос о реституции пушкинских рукописей: «Время вносит свои коррективы: во всем мире решаются вопросы реституции ценностей, по той или иной причине поменявших своих владельцев. Можно надеяться, что проблема интеллектуальной собственности со временем будет разрешена с учетом волеизъявления наследников, тем более что в данном случае идет речь о наследниках А. С. Пушкина. Государственное и частное право со временем должно принимать цивилизованные формы». ⁸

Статьи Н. Б. Волковой и В. С. Гречаниновой появились в год 200-летия Пушкина, но вряд ли стоит относиться к высказанным в них суждениям как к неизбежным юбилейным казусам, ибо высоки и авторитет их авторов, и репутация изданий, на страницах которых они были напечатаны.

Анализ ситуации, в которой Пушкинский Дом как один из основных хранителей рукописного наследия поэта оказался во второй половине 1930-х годов, предполагает обращение к его истокам, тем более что предыстория Государственного музея А. С. Пушкина, созданного в 1938 году в Москве, как будто повторяла предысторию Пушкинского Дома: юбилей поэта — пушкинская выставка как одно из главных, если не главное событие юбилея — создание памятного учреждения. Но этой схемой сходство, пожалуй, и ограничивается.

Б. Л. Модзалевский считал создание Пушкинского Дома «лучшим способом ознаменования 100-летнего юбилея Пушкина». ⁹ Прообразом будущего Дома его устроители называли пушкинскую выставку, развернутую в большом Конференц-зале Академии наук в мае 1899 года. Как известно, она была создана усилиями двух людей — вице-президента Академии наук Л. Н. Майкова и недавнего выпускника Санкт-Петербургского университета Б. Л. Модзалевского, зачисленного в академический штат за полтора месяца до открытия выставки. В немыслимо короткие сроки им удалось собрать в одном зале громадный материал, рассеянный по частным собраниям и различным учреждениям. На академической юбилейной выставке был представлен 771 экспонат, более 90 из них — пушкинские автографы. Именно эта выставка подсказала организаторам мысль «так или иначе сохранить весь тот ценный материал, который был собран воедино, помешать ему вновь расплыться и понемногу погибнуть», однако «сразу этого сделать не удалось». ¹⁰ После закрытия выставки экспонаты были возвращены владельцам, а «средой, хранившей и развивавшей» идею постепенного собирания пушкинского наследия, «суждено было стать» академической Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге. 15 декабря 1905 года в ее заседании и было принято решение о создании Пушкинского Дома. М. Д. Беляев, один из первых пушкинодомцев, заметил однажды, что Пушкинский Дом начинался «на пустопорожном месте» и «мы лишь с трудом можем представить себе, чего стоило основателям его заставить принести <...> для какого-то воображаемого учреждения первую рукопись, книгу и портрет», когда «вокруг были старые, с заслуженной репутацией библиотеки, архивы и музеи». ¹¹ К этому времени уже существовал

⁷ Гречанинова В. С. Место хранения на «вечные времена» // Наше наследие. 1999. № 50–51. С. 186. Недостоверные сведения о прямом «перемещении» пушкинского собрания РГБ в Пушкинский Дом находим и в статье Е. П. Мстиславской «Окружение А. С. Пушкина в дневнике Е. А. Соймоновой 1833–1835 гг. (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки)» (Пушкинские материалы в архивах России: Материалы научно-практической конференции 16 февраля 1999 г. М., 1999. С. 82).

⁸ Гречанинова В. С. Место хранения на «вечные времена». С. 188.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1923). № 172. Л. 169 об. — 170.

¹⁰ Пушкинский Дом при Российской академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 8.

¹¹ Памяти основателей Пушкинского Дома Академии наук / Публ. Т. И. Краснобородько // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 195.

Пушкинский музей при Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее, и выпускники разных поколений почитали своим долгом пополнять его коллекции. В 1880 году старший сын поэта передал в московский Румянцевский музей для хранения в нем на «вечные времена» все (кроме дневника) рукописи Пушкина, которые были в распоряжении семьи. Богатые собрания пушкинских материалов сложились и в «депо манускриптов» Императорской Публичной библиотеки, и в Рукописном отделении Библиотеки Императорской Академии наук, и они продолжали пополняться новыми дарами и приобретениями.

Хотя «Положение о Пушкинском Доме» определяло его первой и важнейшей задачей «собрание всего, что касается Пушкина как писателя и человека», создатели нового академического учреждения никогда не подразумевали под этим тотальную концентрацию пушкинских материалов в его стенах. «От надежды собрать в одном месте все реликвии Пушкина пришлось <...> отказаться, — писал Н. А. Котляревский в предисловии к первому «Временнику Пушкинского Дома», — так как вряд ли те учреждения, которые такими реликвиями обладают, согласятся передать их новому учреждению, пока еще не окрепшему».¹² Преимущественное внимание основателей Дома, как и при устройстве выставки 1899 года, было обращено на реликвии, рассеянные по частным собраниям: у наследников Пушкина и его друзей, известных коллекционеров и случайных лиц. Соратники и единомышленники Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского избрали путь «долгих трудов и усилий», путь «медленного собирания», путь систематического выявления новых документов и сведений о них преимущественно у частных лиц, ибо общей неизблемой нормой было представление о неделимости исторически сложившихся собраний. Основатель Рукописного отделения Библиотеки Академии наук В. И. Срезневский определял их как «неподвижный фонд» государственных, общественных, монастырских и церковных хранилищ, одним из важнейших источников пополнения которых считал частные коллекции.¹³

В этом отношении характерно письмо М. Д. Беляева (будущего сотрудника Пушкинского Дома) от января 1919 года к Б. Л. Модзалевскому. Оно свидетельствует о стойкой приверженности Бориса Львовича старым архивным принципам уже в новых, радикально изменившихся условиях. В то время Беляев состоял уполномоченным Главархива по Симбирской губернии. Одновременно, имея на руках мандат Пушкинского Дома, он выяснял судьбу автографов Пушкина в местных собраниях, а напав на их след, нередко прибегал к помощи М. Горького и А. В. Луначарского, чтобы приобрести их для Пушкинского Дома. Вот фрагмент письма Беляева, важный для наших рассуждений: «Что бы Вы и Нестор Александрович <Котляревский> сказали на то, если б я как совершенно частный человек вдохновил сих мужей на новую субсидию, а также на давление свыше в пользу передачи всех материалов по Пушкину и его современникам Дому, как центральному хранилищу, и на извлечение их для этой цели отовсюду, где бы они ни находились (по крайней мере из провинции). Я знаю Ваш пуризм, но, мне кажется, дело можно было бы обстроить так, что с Вашей стороны потребовалось бы лишь одно непротivление. Хочу обменяться с Алексеем Максимовичем самыми предварительными на этот счет мыслями, а Вас очень прошу написать, насколько этот план согласен с общей Вашей политикой, и обещаю до получения ответа не предпринимать решительных шагов».¹⁴ Что именно отвечал Модзалевский, неизвестно: его письмо не дошло до нас. Об одном можно говорить уверенно: «общая политика» основателей Пушкинского Дома была неизменной. Так,

¹² Котляревский Н. А. Предисловие // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]. С. V.

¹³ См.: Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 270.

¹⁴ Цит. по: Степанов А. Н. У книг своя судьба... Л., 1974. С. 153–154.

в письме Пушкинского Дома С. Ф. Платонову от 15 января 1921 года (оно касалось пушкинского собрания покойного И. А. Шляпкина) особо подчеркивалось, что Пушкинский Дом, «ставя себе широкие научные задачи собирания материалов по истории литературы всего XIX века, преимущественное внимание свое обращает на сосредоточение в своих стенах всех тех рукописей Пушкина, которые, не попав в фонды Румянцевского музея и Публичной библиотеки, до последнего времени находились, а частью и теперь находятся в частных руках коллекционеров и других лиц, более или менее случайно ими владеющих».¹⁵ Несколько лет спустя в одном из официальных документов 1927 года, отложившемся в делопроизводственном архиве Пушкинского Дома, мы обнаруживаем ту же, что и прежде, формулировку первоочередной задачи: «Сосредоточить в себе все то, что относится к истории жизни и творчества Пушкина и что не вошло еще в другие государственные хранилища».¹⁶

Не ставя перед собой цель быть единственным хранителем рукописного наследия поэта, Пушкинский Дом почти за 25 лет целенаправленного собирательского труда стал вторым по значению хранилищем пушкинских автографов — после Румянцевского музея (к тому времени — Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), но первым по количеству собранных документов. За это время были получены по завещанию и в дар, спасены от уничтожения в годы войн, революций и разрухи, приобретены путем обмена и покупки тысячи документов: личная библиотека Пушкина и часть архива поэта — от его прямых наследников, более 600 отдельных рукописей Пушкина — из собраний П. А. Ефремова, П. А. Плетнева, вел. кн. Константина Константиновича, О. С. Журавлевой (урожд. Комовской), Т. Б. Семечкиной (урожд. Данзас), П. Я. Дашкова, Я. К. Грота, И. А. Шляпкина, М. И. Семевского, П. И. Бартенева, семейных архивов Павлицевых, Раевских, кн. Голицыных, кн. Юсуповых, Пушкинского лицейского музея и парижского музея А. Ф. Онегина.

Собрание пушкинских рукописей, начало которому положил Б. Л. Модзалевский, стало краеугольным камнем архивных, книжных, музейных коллекций Дома. Именно этот фундамент сохранил Пушкинский Дом как институцию во время сфабрикованного властью «академического дела» 1929–1931 годов, несмотря на аресты и увольнения основных сотрудников, коренную реорганизацию учреждения (в его структуре сохранились Архив, Музей и Библиотека, но на правах вспомогательных подразделений) и утрату его исторического имени — к счастью, временную. П. Е. Рейнбот в письме к М. А. Цявловскому с нескрываемой горечью вынужден был называть Пушкинский Дом «бывш<им> П. Д.».¹⁷ Еще более трагическую формулировку

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1921). № 3. Л. 5–6; см. также: Там же. Ф. 1. Оп. 1а (1921). № 169. Л. 10 об.

¹⁶ Там же. Оп. 1 (1927). № 2. Л. 59. В этой связи важно отметить, что в том же 1927 году в коллегии Центрархива возникла идея о «создании единого для всего СССР хранилища пушкинских рукописей и материалов о Пушкине», для обсуждения которой предполагалось созвать «специальное совещание с участием представителей Главнауки и виднейших специалистов-пушкиноведов». На нем должны были «решить вопрос и о будущем местонахождении единого пушкинского архива» — в Москве или Ленинграде ([Б. п.]. Единый пушкинский архив // Вечерняя Москва. 1927. 5 авг. № 176; см. также: [Б. п.]. Москва. (По телефону). Объединенный пушкинский архив // Красная газета (веч. вып.). 1927. 5 авг. № 209). Впрочем, тогда эта идея не получила своего развития.

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 387. № 281. Л. 12 об. (письмо от 2 января 1931 года). Именно П. Е. Рейнбот, будучи членом Комиссии по сооружению памятника А. С. Пушкину в Санкт-Петербурге (она была образована при Императорской Академии наук в 1899 году), весной 1905 года высказал «великолепную мысль» об учреждении «Пушкинского музея» на средства, собранные Комиссией по добровольной подписке. Собственное же имя у будущего академического учреждения появилось с легкой руки Непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга — «не „музей“, не „пантеон“, а просто „Дом Пушкина“» (см.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 129–130, 132).

нашел К. Я. Грот, говоря о судьбе дорогого и близкого ему по духу академического учреждения, когда в одном из писем к Т. Г. Цявловской он вспоминал о знакомстве с М. А. Цявловским «у покойного Б. Л. Модзалевского в его рабочем кабинете — тоже уже покойного Пушкинского Дома».¹⁸

В первые годы после завершения «академического дела» и в официальных документах, и в различных изданиях неизбежное уточнение «бывший» Пушкинский Дом» сопровождало упоминание Института русской литературы АН СССР, созданного на месте «аполитичного» учреждения, чуждого «марксистско-ленинской разработке литературного наследства», как утверждалось, например, в неподписанном предисловии «От редакции» в первом томе «Литературного наследства».¹⁹ На идеологические установки и тон этого программного текста «по горячим следам» отреагировал В. Ф. Ходасевич в статье «О пушкинизме» (1932): «Пушкинский Дом уже наводнен коммунистами, переименован и в значительной мере парализован. <...> Для советского пушкинизма настало время, когда, как всему живому в России, ему придется уйти в подполье».²⁰

Новый период существования рукописного собрания поэта в Пушкинском Доме тесно связан с деятельностью академической Пушкинской комиссии, реорганизованной на новых началах и возобновившей свою работу весной 1931 года (она стала структурным подразделением Института русской литературы).²¹ В ее первом заседании под председательством А. В. Луначарского (кроме него в заседании участвовали Н. К. Козмин, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Д. П. Якубович) в числе главных пропедевтических работ для осуществления нового академического издания Полного собрания сочинений Пушкина были обозначены факсимильное издание всех рукописей поэта и их научное описание. В связи с этим было принято решение «выделить ответственное лицо в Архивохранилище ИРЛИ для специального хранения пушкинианы и обеспечить льготные условия работы в Архивохранилище для членов П<ушкинской> к<омиссии>».²² Короткое время, с мая 1931 по август 1932 года, эту работу исполнял Б. В. Томашевский, освобожденный в связи с этим от заведования библиотекой Института. А с 15 декабря 1933 года по инициативе Н. К. Пиксанова, который в то время заведовал Архивом, на должность штатного хранителя Пушкинского фонда был приглашен Л. Б. Модзалевский.²³ Месяц спустя, сообщая М. А. Цявловскому о своем назначении, он писал: «Очень увлекаюсь новой работой. Сейчас закончил систематизацию материалов по Пушкину; разбил их на несколько групп; воссоздал *архив Пушкина* (письма к нему разных лиц и др.<угие> документы, бывшие у него), выделил дела разных учреждений о Пушкине, автографы родственников <...>, копии произведений Пушкина, биографические материалы о нем, касающиеся дуэли, и т. под.; нашел подлинное воен-

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 387. № 397. Л. 1 об. (письмо от 4 декабря 1933 года).

¹⁹ См.: Лит. наследство. 1931. Т. 1. С. 2–4. Первые два тома этого издания вышли под грифом РАПП и Института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Комкадемии при ЦИК СССР. Историческое имя постепенно возвращалось в академический обиход с 1934 года и было официально закреплено в новом Положении об Институте, утвержденном 28 сентября 1937 года (см.: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на выражах политической жизни России XX века // Русская литература. 2006. № 1. С. 174).

²⁰ *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 200.

²¹ Об этом см.: *Турчаненко В. В.* Научные заседания, организационные собрания и совещания Пушкинской комиссии Академии наук СССР в Ленинграде в 1931–1936 гг. (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб., 2020. Вып. 34. С. 145.

²² СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1931). № 16. Л. 169 об.

²³ ИРЛИ. Ф. 387. № 239. Л. 19. Отметим случайное, но тем не менее символическое совпадение дат: в этот же день в 1905 году было принято решение о создании Пушкинского Дома при Императорской Академии наук.

но-судное дело, бывшее временно утраченным и т. под. Сейчас начну описание всех этих материалов, бывших никак не зарегистрированных».²⁴

Вряд ли кто-нибудь, кроме Л. Б. Модзалевского, смог бы осуществить такой объем работы за месяц. Он сформировал структуру вновь созданного Пушкинского рукописного фонда, который зарегистрировали под № 244. Лев Борисович фронтально просматривал в Рукописном отделе фонды и коллекции пушкинского времени, выявлял документы, относящиеся к поэту, проводил атрибуцию почерков «неустановленных лиц», параллельно извлекал сведения по истории пушкинских автографов из материалов делопроизводственного архива Института и «одевал» рукописи в новые архивные обложки. Существующий ныне в Пушкинском Доме порядок хранения этого фонда, архивной обработки пушкинских материалов и их использования в основном и главным был определен его первым ученым хранителем. Тогда же было установлено незыблемое правило, в соответствии с которым, как писал Л. Б. Модзалевский в одном из своих первых отчетов, «ни одна рукопись <Пушкина. — Т. К., В. Т.> не остается ни в фотолаборатории, ни в читальном зале ни на одну ночь: они в конце дня подкладываются в Пушкинский сейф».²⁵

Вернемся к 1933 году. В мае по инициативе ленинградской Пушкинской комиссии была созвана конференция пушкинистов. Местом ее проведения стал Институт русской литературы АН СССР. Конференция была посвящена обсуждению проблем академического собрания сочинений Пушкина, которое необходимо было издать к «юбилею» 1937 года. Рассматривались тип и характер, состав, объем, композиция будущего издания в целом и отдельных его томов, проекты текстологической и орфографической инструкций, «внешность» издания, организационные вопросы. В последнем заседании 11 мая обсуждался также предварительный план юбилейных мероприятий, в который, разумеется, был включен и пункт о всесоюзной Пушкинской выставке — пока без указания места ее проведения. Вне объявленной повестки возник вопрос о создании Пушкинского музея.

Приведем фрагменты стенограммы этого заседания:

«*Благой.* Мне думается, что нельзя ограничиться к юбилею только организацией пушкинской выставки. У нас существует целый ряд персональных музеев — Музей Толстого в Москве, музей Горького, имеется даже постоянная выставка Маяковского. Необходимо, мне кажется, организовать и музей Пушкина. <...> Организация музея в последней квартире Пушкина наталкивается на почти непреодолимые, во всяком случае, тяжелые затруднения. Но вопрос не в месте и не в форме организации, а в самом факте необходимости к юбилею 1937 года такой музей организовать. <...>

«*Канаев.* Вопрос об открытии постоянного пушкинского музея нужно будет включить. Можно поставить вопрос о том, чтобы были отведены 3–4 зала в Институте литературы — это вопрос деталей, но чтобы была научная выставка, которая бы существовала десятки лет. Я целиком это поддерживаю, может быть, Москва захочет также организовать подобную выставку, может быть, захочет ряд других городов это сделать, но определенная научная выставка по всем материалам должна быть организована. <...>

«*Эфрос.* <...> Что касается музея, то я музейный человек, но я принципиальный противник того, чтобы из Центрального Литературного музея выделять по принципу персональному музею. Что же получится? Получится, что в истории русской литературы не будет Пушкина. Можно в системе данного музея дать особое место, но выделять, мне кажется, совершенно нецелесообразно.

²⁴ Там же. Л. 20 об. — 21 (письмо от 12 января 1934 года).

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1. № 25. Л. 35.

Я предлагаю снять вопрос о пушкинском музее как таковом. Я бы даже внес, я не знаю, уместно ли это или неуместно, — предложение о том, чтобы восстановить название Пушкинского Дома за ИРЛИ, чтобы внизу, под заголовком, было написано Институт русской литературы, но я не решаюсь вносить это предложение.

Пиксанов. Это совершенно лишняя вещь.

Эфрос. Я не настаиваю на этом.

Благой. Центральный Литературный музей еще не существует, а музей Горького, музей Маяковского существуют. Вообще это проблема чрезвычайно сложная. Мы стоим сейчас перед лицом того факта, что по существу такого места, где был бы сосредоточен пушкинский материал, нет.

Председатель <акад. А. С. Орлов>. Позвольте мне дискуссии по этому вопросу прекратить. Сделано пожелание, реализация его встречает очень много и „за“ и „против“. Прежде всего — мы ни в коем случае ничего не отдадим. Вот первое, что я скажу. <...> Что касается до того, что осталось от трудов конференции, то я не говорю, что в Институте русской литературы завял дух Пушкина, — он ни в коей мере отсюда и не выходил, но он был так живо обновлен и так живо было опять нами почувствовано, что, если Пушкинский Дом останется Институтом русской литературы по названию, а таким он и останется, то все-таки хозяином этого Института окажется хозяин этого Дома». ²⁶

Вряд ли кто-нибудь из участников этой дискуссии мог тогда предположить, что неожиданно возникший теоретический вопрос о «персональном» пушкинском музее из области «пожеланий» и «дискуссии», которую без труда остановил академик А. С. Орлов (в то время он был заместителем директора Института ²⁷ и председателем Пушкинской комиссии), в не столь отдаленном будущем перейдет в область правительственных постановлений и официальных директив.

Сразу после ленинградской конференции началась подготовка отдельных томов академического издания. Из Москвы в Пушкинский Дом стали поступать регулярные запросы о присылке рукописных оригиналов для работы московских редакторов — прежде всего М. А. Цявловского и С. М. Бонди. Модзалевский, сознавая, сколь опасны для рукописей грядущие перемещения, в письме Цявловскому объяснял свою позицию по поводу пересылки лицейских материалов, необходимых для составления комментариев к 1-му тому издания: «Я не вижу другого исхода, как тот, чтобы Вы приехали сюда и просмотрели их сами. Переписывать их невозможно, ибо это очень много и дорого будет стоить (до 500 рублей), и все равно Вам будет нужно лишь в небольшой части. Пересылать же Вам подлинники <...> также невозможно, ибо такой ценный материал нельзя рисковать отсылать в другой город, даже если бы были приняты все предосторожности. Прошли времена Майкова. Вы, я думаю, сами не пожелаете на этом настаивать. Я же, как хранитель этих материалов и человек, служащий в архиве и знающий архивные правила, заявил, <...> что не могу разрешить этого сделать. Если же прикажет начальство, то покорюсь распоряжению, но подам особую записку, мотивируя в ней нежелательность пересылки. Итак, лучше всего, если Вы приедете сюда». ²⁸ В течение трех недель для Цявловского были изготовлены и отправлены в Москву 68 листов выписок из подлинных дел лицейского архива за 1814–1817 годы. ²⁹

В декабре 1934 года в ответ на запрос о присылке пушкинских автографов сроком на три месяца для работы С. М. Бонди Пушкинский Дом предложил

²⁶ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 26. № 391. Л. 295, 297, 303, 307.

²⁷ Директором ИРЛИ со 2 октября 1931 года до 26 декабря 1933 года был А. В. Луначарский.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 387. № 240. Л. 46 (письмо от 12 сентября 1934 года).

²⁹ См.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1934). № 10. Л. 44.

Редкомитету академического издания предоставить ученому командировку в Архив ИРЛИ.³⁰

До конца 1936 года стены Пушкинского Дома не покинула ни одна рукопись поэта. Бóльшая часть этого года была связана с выполнением распоряжений Всесоюзного Пушкинского комитета и его выставочной комиссии, которая готовила масштабную выставку в Москве. Она должна была сосредоточить все пушкинские материалы за 100 лет и открыться в «юбилейные» дни. В числе тех, кто разрабатывал концепцию выставки и ее тематический план, — крупнейшие московские пушкинисты М. А. Цявловский, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Г. О. Винокур, Н. С. Ашукин. Особое постановление Совнаркома предписывало архивам и музеям немедленно представить материалы для этой выставки и — более того — запрещало экспонировать их на собственных выставках без разрешения Всесоюзного Пушкинского комитета. «Юбилейная» выставка в столице изначально рассматривалась как дело политической важности.

Специальная московская комиссия отобрала в Пушкинском Доме первоначально 117 архивных единиц, в том числе — 51 пушкинский автограф.³¹ Удалось добиться лишь одного — чтобы эти документы были перевезены в Москву «в самую последнюю очередь, так как <...> постоянно необходимы Институту для работ, связанных с изданием сочинений Пушкина». «Передача этих материалов в Москву теперь же, — писал ученый секретарь ИРЛИ Н. Г. Свириной неперемому секретарю АН СССР Н. П. Горбунову 25 ноября 1936 года, — была бы очень чувствительна Институту и нарушила бы нормальную работу по разным мероприятиям, связанным с Пушкинским юбилеем».³² 29 декабря 1936 года затребованные рукописи были отправлены в Москву фельдьегерской почтой через отдел связи НКВД.

Этим организаторы Всесоюзной выставки не ограничились: в начале следующего года стали приходиться дополнительные требования немедленной присылки очередных партий пушкинских подлинников.

17 января 1937 года датирован запрос, подписанный председателем Всесоюзного Пушкинского комитета А. С. Бубновым, о предоставлении еще 44 писем Пушкина 1820–1825 годов по списку, который был составлен поспешно и небрежно. Сохранились комментарии к нему Л. Б. Модзалевского, поданные им в дирекцию Института. В них хранитель Пушкинского фонда отмечал ветхое состояние ряда документов, делающее невозможным их транспортировку и экспонирование, указывал на то, что в Центральном архиве в Москве хранится около 100 писем к П. А. Вяземскому, и не видел «никакой надобности отсылать» письмо, принадлежавшее Пушкинскому Дому. Письма поэта к Н. И. Гнедичу и А. А. Бестужеву были запрошены организаторами выставки в полном объеме (8 и 7 автографов соответственно), и Модзалевский предлагал «ограничиться одним-двумя <...>, выбрав письма лучшей сохранности». Кроме того, Лев Борисович указал организаторам, что подлинник одного из затребованных из Пушкинского Дома писем хранился тогда в библиотеке Харьковского университета, а сведениями о местонахождении еще одного письма пушкинисты не располагали. «Считаю вообще совершенно ненужным и нецелесообразным отсылать в Москву такое количество писем, — заключал Модзалевский. — В московских архивохранилищах имеется совершенно достаточное количество писем Пушкина, чтобы экспонировать их на выставке».³³

³⁰ Там же. Л. 6, 8.

³¹ Эта внушительная цифра была обозначена и в прессе (см. заметку «Рукописи поэта», напечатанную в «Вечерней Москве» 9 января 1937 года).

³² СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 63. Л. 20.

³³ Документ хранится в секторе учета РО ИРЛИ (в деле о передаче материалов на Всесоюзную Пушкинскую выставку в 1936–1937 годах).

На следующий день, 18 января, из Москвы в адрес Пушкинского Дома было отправлено новое требование «совершенно срочно выслать во временное пользование для экспозиции на Всесоюзной Пушкинской выставке» еще 21 автограф Пушкина. Приложенный список был составлен так же небрежно, как и предыдущий. В нем дважды значилось письмо А. Н. Мордвинову от 30 июля 1833 года. Кроме того, кураторы выставки снова запрашивали автографы, которые находились в собраниях других государственных хранилищ, и документы, замену которым легко было отыскать в московских архивах и библиотеках. К новому перечню Л. Б. Модзалевский также приложил свою пояснительную записку. Максимум из того, что могли предпринять хранители Пушкинского Дома, — это по возможности сократить количество подлинных рукописей поэта для пересылки в Москву. Игнорировать же требования Всесоюзного Пушкинского комитета, возглавляемого наркомом просвещения А. С. Бубновым, было невозможно и, кроме того, опасно.

23 января из Пушкинского Дома были отправлены еще две посылки с 71 пушкинским автографом — в дополнение к тем, что были переданы в последних числах декабря; 27 января в Москву переслали 18 изданий из личной библиотеки Пушкина, 7 февраля — еще 6 пушкинских подлинников.³⁴

Всесоюзная Пушкинская выставка открылась 16 февраля 1937 года в семнадцати залах Исторического музея. На ней было представлено более 5600 экспонатов из 102 различных учреждений Советского Союза. Наибольшее количество материалов пришло из Пушкинского Дома.³⁵

С марта Пушкинский Дом настаивал на возвращении тех своих материалов, что не вошли в экспозицию юбилейной выставки. С этой целью в Москву неоднократно выезжал Л. Б. Модзалевский,³⁶ и лишь в июне 1937 года ему удалось вернуть в Ленинград 48 не востребованных организаторами автографов поэта. Таким образом, в продолжение 1937 года более 30% подлинных рукописей Пушкина отсутствовало на месте — беспрецедентный случай в истории Пушкинского Дома. Большая их часть экспонировалась на двух юбилейных выставках, меньшая (68 автографов) — находилась в Гослитмузее и Всесоюзной библиотеке СССР им. В. И. Ленина на временном хранении (по требованию В. Д. Бонч-Бруевича они были отправлены туда для работы московских пушкинистов над отдельными томами академического издания Пушкина).

Ситуация, сложившаяся вокруг изъятия пушкинских автографов для «юбилейной» выставки, которое изначально было заявлено как временное, оказалась общей для всех архивов и музеев — хранителей пушкинских материалов. Она отражена в подробном письме В. Д. Бонч-Бруевича, направленном 5 апреля 1937 года президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову:

«Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич,

на заседании пленума Редакторского комитета полного собрания сочинений А. С. Пушкина издания АН, состоявшемся 2 и 3 апреля с. г., было вынесено постановление, в силу которого я обязан доложить Вам о том катастрофическом положении, в котором мы сейчас находимся с работами по целому ряду Пушкинских томов ввиду изъятия подлинных рукописей А. С. Пушкина

³⁴ Кроме того, параллельно с московской шла работа по созданию ленинградской Областной юбилейной выставки в залах Эрмитажа, концепция которой была разработана пушкинистами Института русской литературы. На эту выставку Пушкинский Дом передал 259 рукописей и документальных материалов (в том числе 137 автографов Пушкина). Они были возвращены в Пушкинский Дом в начале июля 1937 года.

³⁵ Всего на выставку было доставлено около 15 500 экспонатов, в том числе около 1000 рукописей Пушкина и архивных материалов; в экспозицию, как видно, вошла только третья часть поступившего (см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. [Т.] 4–5. С. 570).

³⁶ См.: СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 65. Л. 51, 57 и др.

из соответствующих архивохранилищ: Всесоюзная Ленинская библиотека, Пушкинский Дом, Централхив, Гослитмузей и др.

Эти рукописи в огромном своем числе лежат на Всесоюзной Пушкинской выставке или в витринах, или в запасном фонде.

Когда выставка устраивалась, то предполагали, что в витринах рукописи будут лежать не более 10 дней и что по истечении 10 дней рукописи будут заменены фотографиями, а самые рукописи будут возвращены в архивохранилища, где они находились и ранее. Сейчас идет второй месяц, как открылась выставка, однако рукописи не возвращаются обратно в свои архивохранилища. Более того, те рукописи, которые хранятся в запасе, стало быть, не использованы на самой выставке и хранятся в кладовых Гос<ударственного> Исторического Музея, также не возвращаются обратно в свои архивохранилища.

Все это создало совершенно непреодолимые препятствия, в силу которых целый ряд работ по Пушкину абсолютно приостановился.

Так, например, 13-й том, который мы предполагали сдать еще в марте месяце, не может быть сдан в печать, так как целый ряд писем Пушкина 1826 и 1827 гг. находится как раз на выставке. Специально на их выверку приезжал из Ленинграда профессор Д. П. Якубович. Он обратился в рукописное отделение Библиотеки им. Ленина, а потом на выставку, и там, и там получил совершенно отрицательные ответы, работу провести не смог и вернулся обратно в Ленинград, так как его служебные обязанности не позволяют задерживаться в Москве более нескольких дней.

Точно так же не смог заняться сверкой по подлинникам писем Д. Д. Благой, редактирующий 13-й том. Точно такое положение и с 16-м томом нашего издания. Дальнейшее грозит еще худшими осложнениями, так как целый ряд самых первоклассных рукописей Пушкина — „Дубровский“, „Капитанская дочка“ и др. также изъяты из архивохранилищ и также находятся на выставке в том недостаточном положении, о котором я Вам писал выше.

Все это вместе взятое вынуждает Редакторский комитет единодушно просить Вас сообщить о всех этих фактах председателю Пушкинского Комитета наркому просвещения А. С. Бубнову и просить его сделать распоряжение о немедленной раздаче всех рукописей Пушкина по их принадлежности в те архивохранилища, откуда они взяты.

Редакторский комитет поручил мне лично с Вами об этом переговорить. Я, зная как Вы постоянно заняты, посылаю Вам это письмо и буду очень благодарен, если Вы распорядитесь мне сообщить, когда бы я смог заехать к Вам в АН для личного свидания с Вами по этому поводу, если Вы, конечно, найдете это нужным.

Считаю также совершенно необходимым как специалист по архивно-музейному делу довести до Вашего сведения, что помимо этой литературно-исследовательской нужды в рукописях Пушкина, которые находятся на выставке, крайне тяжело видеть, что они находятся там до сих пор, так как им ведь более чем сто лет от роду, а рукописи такого давнего происхождения, а впрочем, как и все остальные, чрезвычайно портятся, находясь в витринах под действием лучей солнца, сильного света, даже и электрического, перемены температуры воздуха, пыли и пр. т. п. <sic!>

Все эти отрицательные свойства как раз в изобилии имеются на выставке и надо очень бояться, что рукописи Пушкина сильно пострадают от всех этих явлений.

С глубоким уважением к Вам,
зав. редакцией Влад. Бонч-Бруевич».³⁷

³⁷ АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 120–121.

В этом письме В. Д. Бонч-Бруевича звучит нескрываемое беспокойство о пушкинских рукописях, которые оказались в условиях, недопустимых для экспонирования ценных документов (заметим при этом, что часть оригиналов была представлена даже не в витринах, а «на стенах и стендах»³⁸). Как выясняется, еще бóльшую угрозу для сохранности подлинников, извлеченных по распоряжению Выставочного комитета из всех архивохранилищ СССР, представлял организационный период, который предшествовал открытию выставки. Красноречиво свидетельствует об этом документ более позднего времени — докладная записка о проверке фондов, представленная заведующим Фондом хранения Е. Н. Сперанским директору Всесоюзной Пушкинской выставки И. К. Лупполу в январе 1938 года, вскоре после окончания ее работы:

«<...> Выставка организовывалась в обстановке чрезвычайной спешки. Средства, необходимые для организации выставки в сумме 1 200 000 р., были отпущены за месяц до открытия выставки. В небольшой, оставшийся до открытия выставки срок предстояло не только развернуть выставку, но и провести такие обширные работы подготовительного периода, как капитальный ремонт и полное переоборудование 17 зал верхнего этажа в здании Гос<ударственно-го> Исторического Музея, отведенных для размещения выставки <...>.

Практически это привело к тому, что ремонт выставочного помещения, включавший такие трудно совместимые с задачей сбережения ценных экспонатов работы, как удаление переборок в 13<-м> и 17<-м> залах, перенос внутренней стены в 15<-м> зале, оттирка потолков и стен от старой краски, новая их окраска, лепные работы, остружка паркетов, полное световое переоборудование зал — производились одновременно с развертыванием выставки, на одной и той же площади, уступая место друг другу.

Работы по развертыванию выставки велись под лозунгом: „Выставка должна быть открыта в срок“. Ремонтные работы, а поближе к концу и все прочие работы велись в течение круглых суток, несколькими сменами. На небольшой территории выставки работало 1600 работников всех специальностей — от строительных рабочих всех оттенков, художников, оформителей, музыкантов и кончая научными работниками. <...>

В этой сложной обстановке Фонд хранения, вопреки утвержденному для него „Положению“, не имел своего постоянного изолированного помещения для хранения экспонатов. Дважды построенные мною запасники <...> были сломаны по требованию руководства Пушкинским Комитетом и Выставочной Комиссии, чтобы не задерживать хода ремонтных работ. Первый запасник был сломан прежде, чем Фонд хранения успел его занять, а во втором Фонд проработал 2–3 дня. Взамен сломанных запасников мне было предложено перейти к „запаснику на колесах“. Это означало, что Фонд хранения должен был размещаться с своим громадным имуществом в проходных залах, передвигаясь вместе с ремонтом из зала в зал, чтобы освободить дорогу для немедленного развертывания экспозиции в залах, вышедших из ремонта.

За организационный период Фонд хранения переменил свое место 11 раз. Громоздкие и ответственные передвижки фонда из зала в зал производились бригадой квалифицированных технических работников Третьяковской Галереи под моим руководством и наблюдением.

³⁸ Там же. Л. 148 (из письма В. Д. Бонч-Бруевича непременно секретарю АН Н. П. Горбуну от 22 мая 1937 года). С этого времени на выставке начались «фотографические работы для замены подлинных рукописей копиями». Не исключено, что это произошло вследствие писем Бонч-Бруевича в академический Президиум, но растянулось при этом на долгие месяцы. И только летом 1938 года оригиналы пушкинских рукописей в выставочных залах были заменены на фотокопии (см.: *Богаевская К. П.* Государственный музей А. С. Пушкина (к годовщине его существования) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Т.] 6. С. 543).

Но и помимо этих организационных передвижек имущество Фонда перебрасывалось непрерывно из угла в угол, чтобы освободить место для работы то штукатуров или маляров, то паркетчиков, драпировщиков, электромонтеров, связанных в своей работе календарными сроками выполнения.

Вот те сложные, весьма далекие от обычных, законом предусмотренных норм порядка и хранения музейных ценностей условия, в которые была поставлена работа Фонда хранения в организационный период.

Охрана, достигавшаяся размещением музейных ценностей в проходных залах, в условиях ни днем, ни ночью не прекращавшейся людской толчей и ремонта, непрерывных перемещений Фонда с места на место, в условиях трудно поддающегося контролю вноса и выноса портфелей и свертков с проектами, планами и др. <угими> материалами по организации выставки, завоза строительных материалов и инструментов и вывоза строительного мусора и пустой тары — являлась по существу охраной больше символической, чем реальной. Усложнив и в громадной степени затруднив задачу аппарата по охране музейных ценностей, предложенная руководством упрощенная форма охраны лишила аппарат Фонда тех гарантий, которые обеспечиваются хранением ценностей в изолированном запирающемся помещении, запретом доступа в помещение запасника для лиц, не принадлежащих к составу работников фонда, запрещением вноса и выноса портфелей и свертков и т. д. В этой обстановке аппарат Фонда хранения сделал все от него зависящее, чтобы удесятеренной заботой о сбережении доверенного ему имущества и неослабным надзором за его сохранностью восполнить пороки организации охраны и убедить экспонаты от грозивших хищения и порчи.

Результаты произведенного учета экспонатов свидетельствуют о том, что эта задача выполнена аппаратом с честью.

Через трудности, нагромождавшиеся на его пути несовершенной организацией охраны, аппарат Фонда хранения провел 15-тысячное имущество фонда с минимальными потерями в наименее ценной его части. <...>». ³⁹

За несколько месяцев до закрытия выставки в центральном правительственном органе было размещено открытое письмо под заголовком «Вопрос Председателю Всесоюзного Пушкинского Комитета тов. А. С. Бубнову». Под обращением стояло 34 подписи — ученых, писателей, артистов, деятелей культуры. Они предлагали превратить юбилейную выставку, которая «представляла собой дело всех трудящихся Союза», в постоянный музей, чтобы представленные на ней экспонаты вновь не «распылились по шестидесяти двум <sic!> учреждениям», откуда они поступили. ⁴⁰

Руководители Пушкинского Дома без промедления отреагировали на эту публикацию, видимо осознавая, что вопрос о создании нового музея предпринят и необходимы срочные меры по сохранению за Институтом его Пушкинианы. Уже 10 октября П. И. Лебедев-Полянский, назначенный директором ИРЛИ в конце июня 1937 года, ⁴¹ и его заместитель академик А. С. Орлов отправили в академический Президиум письмо, где просили «срочно возбудить перед Совнаркомом СССР ходатайство о передаче Всесоюзной Пушкинской выставки в ведение Академии наук СССР и о создании Пушкинского музея на базе Института литературы АН СССР», в котором «сосредоточены богатейшие

³⁹ РГАЛИ. Ф. 2123. Оп. 2. № 3. Л. 1 об. — 2 об.

⁴⁰ Известия. 1937. 8 окт. № 235. С. 3. Подобные предложения возникали не только в публичном поле. 18 ноября письмо с таким же ходатайством направили председателю Совнаркома В. М. Мологову М. А. Цявловский, С. М. Бонди и В. В. Вересаев (см.: *Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина / Изд. подг. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 266*). Нельзя исключить, что инициаторами письма в «Известиях» также были М. А. Цявловский и С. М. Бонди.

⁴¹ См.: АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 29. Л. 1.

материалы, послужившие основой для Всесоюзной Пушкинской выставки», и который «является единственным литературоведческим центром пушкиноведения».⁴² 22 октября было отправлено письмо и академику-секретарю Отделения общественных наук А. М. Деборину — уже с конкретным предложением о здании для будущего музея: «Как раз в ближайшие месяцы начнется постепенный перевод в новое помещение Всесоюзной Публичной библиотеки им. Ленина. Нынешнее помещение библиотеки — одно из наиболее интересных зданий старой Москвы — специально приспособлено для музея, — и в нем в течение многих десятилетий находился Румянцевский музей. В этом помещении мы считали бы целесообразным развернуть постоянный музей Пушкина в системе Академии наук СССР, который может быть сделан на базе Всесоюзной Пушкинской выставки».⁴³

Закрытие выставки намечалось на конец декабря 1937 года. В начале декабря в Москву был командирован Б. В. Шапошников — заведующий Музеем Пушкинского Дома. Он привез из столицы тревожные новости, которые циркулировали в выставочных кругах и которые ученый секретарь ИРЛИ О. В. Цехновицер немедленно изложил в служебной записке, направленной директору Института П. И. Лебедеву-Полянскому 7 декабря:

«<...> Особо тревожит меня вопрос о положении с Пушкинской выставкой. Как выяснил сейчас в Москве Б. В. Шапошников (он беседовал с директором и администратором Всесоюзной Пушкинской выставки т. Бек и секретарем выставки т. Г. А. Волковым):

- 1) Выставка формально должна закрыться 30 декабря 1937 г.
- 2) Передали, что имеется принципиальное мнение ЦК партии о желательности сохранения выставки как постоянного музея в Москве.
- 3) Директор выставки И. К. Луппол входит в Совнарком с проектом преобразования выставки в Музей. Проект т. Луппола был возвращен Совнаркомом, так как в нем не было указано, в какой системе мыслится будущий Пушкинский музей. В числе возможных систем намечались: Институт литературы им. Горького,⁴⁴ Наркомпрос, Комитет по делам искусств и Академия наук.
- 4) В проекте намечаются возможные помещения для Музея: здание бывш<его> Румянцевского музея (дом Пашкова, ныне Ленинская библиотека), филиал Инст<итута> Маркса–Энгельса–Ленина (бывш<ее> здание Музея Шюкина в Знаменском пер.), здание школы на ул. Герцена (д<ом> б<ывших> Бобринских против церкви, где венчался Пушкин) и др.

Так как ни одно из этих помещений не свободно, есть предположение задержать выставку в помещении Исторического музея (месяца на три), так как надобность в нем для юбилейной выставки Красной Армии миновала.

5) Из отдельных намеков можно понять, что наиболее нежелательным для московских кругов Пушкинской выставки является передача ее в ведение Академии наук, так как Академия не проявляет никакого интереса к ее судьбе, и предполагают, что в ее системе она будет финансироваться хуже, чем в другой.

6) Передавал т. Волков, что будто бы зав. Комитетом по делам искусства т. Керженцев высказался за сохранение выставки как Музея, но предупредил, что экспонаты, принадлежащие музеям, входящим в систему Комитета по делам искусства, должны быть им возвращены. Не исключено такое же отношение со стороны других учреждений, давших экспонаты на выставку. Таким образом, основное ядро выставки, состоящее из экспонатов, представлен-

⁴² Цит. по: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века. С. 175.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1937). № 12. Л. 37.

⁴⁴ Институт мировой литературы был создан в 1932 году и находился в ведении ЦИК СССР.

ных Пушкинским Домом, является и единственным твердым ядром будущего Музея.

Из всего этого следует, что необходимо, чтобы Академия наук срочно вынесла твердое решение по вопросу об ее заинтересованности в судьбе предоставленных экспонатов и будущего Музея Пушкина. В дни юбилея высказывалось Президиумом Академии желание сохранить эту выставку в системе Академии. До того как вопрос будет обсуждаться в Совнаркоме, с проектом Музея надо познакомиться представителю Академии, для соответствующего контрпроекта, если представитель Академии уже не входит в комиссию, выработывающую проект. Если не будут приняты срочные меры, то Академия наук потеряет все свои пушкинские материалы <...>». ⁴⁵

В сложившейся ситуации, которая требовала решительных действий, директор Пушкинского Дома прибегнул к старым большевистским связям. Информацию, полученную от О. В. Цехновицера, он кратко изложил в личном письме вице-президенту Академии наук Г. М. Кржижановскому (их объединяло членство в РСДРП практически с момента ее основания, активное участие в революционном движении и пребывание на высоких государственных постах после октября 1917 года). Письмо датировано 15 декабря 1937 года:

«Лично.

Глеб Максимилианович,

30-го декабря этого года должна закрыться выставка Пушкина. До меня дошли слухи, что в ЦК партии имеется принципиальное мнение о желательности оставить выставку как постоянный музей и намечаются следующие здания: бывший Румянцевский музей, бывшее здание музея Щукина на Знаменском пер. и здание школы на улице Герцена против церкви, где венчался Пушкин.

В Совнаркоме в ближайшее время должен будет решаться вопрос, в ведении какого ведомства должна остаться выставка Пушкина. В связи с этим Керженцев, заведующий Комитетом по делам искусств, высказался за то, чтобы выставку превратить в Музей, но предупредил, что экспонаты, принадлежащие музеям, входящим в систему Комитета по делам искусств, должны быть им возвращены.

Московские круги Пушкинской выставки указывают на нежелательность передачи выставки Академии Наук, мотивируя это тем, что выставка в системе Академии будет финансироваться хуже, чем в другой системе.

Чтобы предупредить нежелательное для Академии наук решение и учитывая, что Президиум Академии в дни юбилея высказал пожелание сохранить эту выставку в системе Академии, я думаю, что нужны какие-то особые решения со стороны Президиума Академии, чтобы выставка осталась в составе Института литературы, тем более что громадное количество экспонатов для выставки взято из Пушкинского Дома.

Жду от Вас директивы, как действовать в дальнейшем.

С коммунистическим приветом
П. Лебедев-Полянский». ⁴⁶

На письме — резолюция Г. М. Кржижановского академику-секретарю Отделения общественных наук А. М. Деборину от 17 декабря 1937 года: «Переговорите со мной». «Особые решения», о необходимости которых писал директор ИРЛИ, были приняты 29 января 1938 года. Заслушав доклады

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 9. Л. 108.

⁴⁶ АРАН. Ф. 394. Оп. 1 (1937). № 47. Л. 171.

А. М. Деборина и П. И. Лебедева-Полянского, академический Президиум постановил «войти в СНК СССР с ходатайством о передаче в Академию наук всех материалов Пушкинской выставки»⁴⁷ — во-первых, и «подтвердить решение Президиума АН СССР от 15.06.1937 г. о целесообразности слияния Института литературы АН и Института мировой литературы им. Горького и образования единого Института литературы в составе Академии Наук СССР»⁴⁸ — во-вторых.

Академический план не был поддержан. 4 марта 1938 года председатель Совета народных комиссаров Союза ССР В. М. Молотов подписал постановление № 256 «Об организации Государственного музея А. С. Пушкина». Оно представляло, по существу, приговор дальнейшему существованию Пушкинского фонда ИРЛИ, который, напомним, был сформирован незадолго до этих событий. Московский музей А. С. Пушкина, созданный на базе юбилейной выставки, передавался в ведение Института мировой литературы им. А. М. Горького.⁴⁹ Постановление № 256 не только закрепляло за вновь учрежденным московским Музеем все экспонаты выставки, но и «обязывало Академию наук СССР, Всесоюзный комитет по делам искусств, Центральное архивное управление, государственные музеи и другие учреждения и организации» передать в музей «имеющиеся у них материалы, связанные с жизнью и творчеством Пушкина».⁵⁰

Исполнение этого документа означало не только изъятие из Пушкинского Дома личной библиотеки поэта, с которой Пушкинский Дом, собственно, начинался, и 823 автографов, хранившихся в нем, но и отчуждение всех пушкинских материалов — архивных, музейных, книжных.

Заведующим Сектором рукописей Государственного музея А. С. Пушкина был назначен М. А. Цявловский. По разработанному им плану⁵¹ и под его прямым руководством осуществлялась концентрация рукописных материалов в новом музее.⁵² В мае–июне 1938 года беспрепятственно прошла передача 1071 архивной единицы из Государственного литературного музея. «Согласно точным словам и указаниям этого постановления <...>, — писал основатель и директор музея В. Д. Бонч-Бруевич, — мы стремились не спеша сдать эти драгоценные рукописи и материалы „на отлично“. <...> Все наши фонды по А. С. Пушкину поступили в музей Пушкина в полном порядке и не вы-

⁴⁷ Там же. Ф. 597. Оп. 3. № 30. Л. 1.

⁴⁸ Там же. № 29. Л. 6. Упомянутое в этом документе июньское решение академического Президиума было принято по результатам работы в ИРЛИ «обследовательской комиссии» в марте–апреле 1937 года, завершившейся отчетным докладом заместителя директора института А. С. Орлова на заседании Президиума 15 апреля 1937 года (см.: Там же. № 27).

⁴⁹ К моменту подписания Постановления СНК СССР от 4 марта 1938 года ИМЛИ еще находился в ведении ЦИК СССР (решение о передаче Института в систему АН СССР было принято полтора месяца спустя, 16 апреля 1938 года).

⁵⁰ Цит. по: Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации / Ред. К. П. Богаевская. М., 1948. Вып. 7. С. XVIII.

⁵¹ См. протокол № 3 заседания дирекции Института мировой литературы им. А. М. Горького от 16 марта 1938 года, где рассматривался «вопрос о Музее А. С. Пушкина» (см.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 3–5).

⁵² М. А. Цявловскому в этом деле нужен был опытный помощник за пределами Москвы, и на месте уполномоченного от Пушкинского музея по выявлению пушкинских автографов и материалов в Ленинграде и организации их доставки в ИМЛИ он видел только Л. Б. Модзалевского (переписка по этому вопросу шла в течение марта–мая 1938 года и завершилась в конце концов отказом Модзалевского, сославшегося на работу «в двух научных учреждениях Академии наук» и «отсутствие времени»); см.: ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 119. Л. 1, 2–2 об. (небольшие фрагменты этого дела процитированы в статье: Хитрово Л. К. Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 15); Оп. 3. № 345. Л. 280 об., 282, 286 об. — 287, 288 об. — 289; Ф. 387. № 242. Л. 25 об., 27–27 об., 31, 32, 34.

звали ни с чьей стороны никаких замечаний».⁵³ К июлю 1938 года Ленинская библиотека полностью передала Государственному музею А. С. Пушкина все свое собрание пушкинских рукописей, включая пожертвованные сыном поэта в 1880 году.⁵⁴

В августе 1938 года М. А. Цявловский выехал в Ленинград. В интервью «Красной газете» он, в частности, рассказывал о том, что рукописи Пушкина, хранящиеся в Публичной библиотеке, «подготавливаются к сдаче заведующим рукописным отделением библиотеки И. А. Бычковым, хранившим их, кстати сказать, в течение 57 лет»,⁵⁵ и в «ближайшие дни» они будут отправлены в Москву.⁵⁶ Относительно пушкинодомских материалов Цявловский сообщал, что «вопрос о времени передачи этого собрания в музей остается открытым, так как президиум Академии наук еще не вынес своего решения».⁵⁷ Этого не произошло ни в 1938 году, ни в последующие годы. В инвентарные книги ГМП со 2 сентября по 22 декабря 1939 года как поступившие из Института русской литературы были внесены только 92 пушкинских автографа и 16 книг из личной библиотеки поэта, которые экспонировались на выставке и не были возвращены в Ленинград по ее окончании. Отметим при этом, что постановление Президиума ЦИК СССР от 14 февраля 1937 года о централизации в академическом Институте мировой литературы рукописей Максима Горького и постановление СНК СССР от 27 августа 1939 года о централизации рукописей Л. Н. Толстого в его московском музее Пушкинский Дом выполнил, хотя и предпринимал шаги по сохранению этих важных фондов в своем архиве.⁵⁸ С рукописным фондом Пушкина все обстояло иначе: с его изъятием прекратилась бы история Пушкинского Дома в том виде, как он был задуман его основателями, и «родовое» имя Института русской литературы навсегда бы ушло из его названия. В этом смысле «особая» медлительность при исполнении постановления Совнаркома СССР о создании московского Музея А. С. Пушкина была необходима, хотя, конечно, небезопасна.

Борьба за сохранение Пушкинского фонда — главного в составе Архива ИРЛИ — происходила в крайне напряженной общественно-политической и академической обстановке второй половины 1930-х годов.

В преддверии пушкинских «торжеств», 6 ноября 1936 года, по ложному доносу был арестован Ю. Г. Оксман — заместитель директора Института, заведующий редакцией академического издания Полного собрания сочинений

⁵³ Цит. по: Каталог фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации. С. XIX.

⁵⁴ См.: [Б. п.]. Рукописи великого поэта // Красная газета. 1938. 7 авг.; Соломина О. Л. Судьба архива А. С. Пушкина в Московском публичном и Румянцевском музеях в XIX–XX вв. // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: Сб. статей по материалам Международной науч. конф. М., 2022. С. 58–59.

⁵⁵ [Б. п.]. Рукописи великого поэта; см. также: [Б. п.]. Рукописи Пушкина отправляются в Москву // Известия. 1938. 27 июля.

⁵⁶ С июля по ноябрь 1938 года Публичная библиотека официально передала в московский Музей 128 автографов поэта и более 200 дел Пушкинианы. При этом на протяжении 1938–1940 годов И. А. Бычков «добивался возвращения материалов и мемориальных предметов, которые, по его представлениям, должны были остаться в П<убличной> Б<иблитеке>. Об этом свидетельствуют его докладные записки на имя ее директора, а также составленные им проекты писем дирекции Библиотеки в вышестоящие инстанции» (см.: Любимова М. Ю. Пушкинские материалы в Публичной библиотеке // История в рукописях и рукописи в истории: Сб. науч. трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 419).

⁵⁷ [Б. п.]. Рукописи великого поэта. Дирекция ИМЛИ приняла решение направить «докладную записку в Президиум АН СССР о немедленной передаче Музею А. С. Пушкина, в соответствии с декретом СНК, всех материалов по Пушкину, имеющихся в Пушкинском Доме АН и других учреждениях АН» еще 4 июня 1938 года (АРАН. Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 39 об.).

⁵⁸ См.: Иванова Т. Г. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 261–265.

Пушкина и председатель организационной комиссии по подготовке к Пушкинскому юбилею в Ленинграде. Накануне, 5 ноября 1936 года, Президиум АН СССР признал работу ученого по подготовке «юбилейного» издания «совершенно неудовлетворительной», и он, «как не оправдавший оказанного ему доверия», был освобожден от исполнения обязанностей заведующего редакцией.⁵⁹

26 июня 1937 года арестовали ученого секретаря Института Н. Г. Свирина. В октябре этого же года были расстреляны А. Д. Камегулов и Г. Е. Горбачев — бывшие сотрудники ИРЛИ, арестованные ранее.

В марте—апреле 1937 года в Институте работала «обследовательская комиссия» Президиума АН под председательством П. И. Лебедева-Полянского, которому несколько месяцев спустя суждено было возглавить Институт. По результатам работы комиссии и докладу академика А. С. Орлова, состоявшемуся в Москве 15 апреля 1937 года, Президиум АН принял резолюцию, в которой, в частности, отмечал: «В Институте литературы АН (бывш. Пушкинский Дом) собраны исключительной ценности материалы в количестве более 3 миллионов объектов, и он располагает всеми объективными возможностями для того, чтобы стать ведущим научным учреждением Союза ССР в области изучения литературы. Однако в течение ряда лет враги народа и вредители (Каменев, Оксман) дезорганизовали его работу, засоряли его состав, использовали институт в вредительских целях и расхищали накопленные в нем ценности, всемерно препятствуя осуществлению Институту возложенных на него задач».⁶⁰ В этой же резолюции впервые было зафиксировано и положение о целесообразности слияния двух институтов — ИРЛИ и ИМЛИ, вновь подтвержденное 29 января 1938 года.⁶¹ Резолюция по итогам работы «обследовательской» комиссии была заслушана 6 июня 1937 года и на партийном собрании Института, а в конце июня «состояние работы» в ИРЛИ обсуждалось на специальном заседании бюро Василеостровского райкома ВКП(б). План работы Института на 1936 год был признан «вредительским», на 1937 год — «головотяпским», уводящим «в сторону от современности», «расплывчатым» и «безыдейным».⁶² 1 апреля 1938 года в «Известиях» была напечатана обличительная статья «В стенах Ленинградского института литературы», которая стала предметом обсуждения на общем собрании коллектива Института.⁶³

Весной 1939 года возникла угроза еще одного внутриакадемического конфликта, связанного с исполнением постановления № 256 о создании Государственного музея А. С. Пушкина. Суть его изложена в письме директора ИМЛИ И. К. Луппола президенту АН СССР В. Л. Комарову. Оно датировано 20 марта 1939 года:

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 127. Л. 38. 15 июня 1937 года Ю. Г. Оксман был осужден на пять лет с отбыванием срока в «исправительно-трудовом лагере» на Колыме. Подробно об Ю. Г. Оксмানে см.: *Азадовский М. К., Оксман Ю. Г.* Переписка. 1944–1954 / Сост., вступ. статья, комм. К. М. Азадовского. М., 1998; «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-х годов) / Публ. М. Д. Эльзона; предисловие В. Д. Рака; прим. В. Д. Рака и М. Д. Эльзона // *Русская литература*. 2003. № 3. С. 137–184; № 4. С. 182–220; 2004. № 1. С. 145–199; № 2. С. 189–244; 2005. № 4. С. 140–201; 2006. № 1. С. 227–273.

⁶⁰ АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 27. Л. 58.

⁶¹ См.: Там же. Л. 60; № 29. Л. 6, 7 об.; № 30. Л. 3; Ф. 397. Оп. 1 (1932–1993). № 15. Л. 32; СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1936). № 9. Л. 44. Внешним препятствием к объединению двух литературоведческих Институтов было отсутствие соответствующего здания в Москве. Об этом также см.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. 1932–1945. М., 2022. С. 306–309.

⁶² Цит. по: *Солдатова Л. М.* Традиция памяти Пушкина на выражах политической жизни России XX века. С. 171–173.

⁶³ См.: Там же. С. 176–178.

«Уважаемый Владимир Леонтьевич!

<...> „Пушкинские дела“ в Академии наук не упорядочены, хотя ясные указания на этот счет со стороны Правительства даны уже давно. Но я не поднимал этого вопроса, считая, что мы переживаем, правда, несколько затянувшийся „переходный период“.

В самом деле, ко времени пушкинских торжеств, да и на всем протяжении 1937 года все пушкиноведение в Академии наук выражалось в следующих учреждениях, организациях и предприятиях:

1. Работа в Институте литературы АН: хранение рукописей, научная работа в Пушкинской комиссии, издание „Временника“.

2. Музей — последняя квартира Пушкина в Ленинграде и Пушкинский Заповедник — в ведении ИЛ АН.

3. Пушкинская комиссия в Москве.

4. Издание академического собрания сочинений Пушкина от АН в целом.

Между тем преобразование по постановлению Совнаркома СССР от 4 марта 1938 г. Всесоюзной Пушкинской Выставки в Гос<ударственный> музей А. С. Пушкина с передачей последнего в ведение Института мировой литературы внесло полную ясность в дальнейшую организацию пушкиноведения в СССР, поскольку Правительством Союза был определен для этого научный центр. Последовавшая в апреле 1938 г. передача Института мировой литературы им. А. М. Горького в Академию наук должна была лишь облегчить создание такого центра. Между тем на деле получилось иное.

Институт литературы им. А. М. Горького за год, истекший со дня постановления Правительства, проделал громадную работу по сосредоточению в Музее А. С. Пушкина, согласно этому постановлению, всех рукописей поэта, документов, связанных с его жизнью и творчеством, книг и большого количества художественно-изобразительного материала, до того рассеянных по сотне учреждений во всех союзных республиках. Кроме того, положено начало систематической научной работе над творческим наследием Пушкина. В плане 1939 г. стоят: исследовательский коллективный труд о творчестве Пушкина, составление исчерпывающей „Летописи жизни и творчества“, начало работы над „Пушкинским словарем“, описание рукописей Пушкина и т. п. В штат привлечены крупнейшие пушкинисты: Цявловский, Благой, Бонди, Винокур и другие.

И лишь одно учреждение в СССР не выполнило постановления Правительства, именно Институт литературы Академии наук:

1. Решительно все учреждения, хранившие у себя рукописи Пушкина, передали их в Музей А. С. Пушкина, — только одно учреждение не сделало это — Институт литературы АН.

2. Квартира Пушкина и Пушкинский заповедник организационно никак не связаны с Гос<ударственным> музеем Пушкина и продолжают находиться в ведении ИЛ АН.

3. Пушкинский „Временник“ никак не связан с декретированным Правительством центром пушкиноведения и продолжает издаваться Институтом литературы АН как сборник подчас случайных материалов.

4. К изданию академического собрания сочинений Пушкина никак не привлечен Институт мировой литературы им. А. М. Горького.

<...> Я думаю, что только объединение обоих Институтов, на что есть уже давно решение Президиума Академии наук, устранил все никчемные обиды и недоразумения.

Мне представляется, что как бы ни затянулось это объединение, для выполнения Правительственного решения о Музее Пушкина необходимо Ваше распоряжение:

1. Передать все рукописи Пушкина в Сектор рукописей Музея А. С. Пушкина.
2. Передать Музей-квартиру Пушкина и Пушкинский заповедник в ведение Института мировой литературы им. А. М. Горького в качестве филиалов Музея Пушкина.
3. Превратить „Пушкинский временник“ в орган Музея Пушкина.

Академик И. К. Луппол». ⁶⁴

В своем обращении к президенту Академии наук, составленном в предельно категоричных выражениях, директор ИМЛИ фактически обвинял Пушкинский Дом в саботаже правительственного постановления, избегнув, впрочем, самого слова «саботаж». По неясным причинам это письмо больше года оставалось без движения. В мае 1940 года Л. Б. Модзалевский был командирован в Москву в связи с новым инцидентом, возникшим между Пушкинским Домом — с одной стороны, и Музеем А. С. Пушкина и Литературным музеем — с другой. Речь шла об автографах поэта, которые принадлежали Пушкинскому Дому и находились в Москве на условиях временного хранения. ⁶⁵ В столице Модзалевский узнал о предстоящем заседании президиума Академии по вопросу концентрации пушкинских рукописей, которое инициировали директор ИМЛИ И. К. Луппол и директор ГМП Л. И. Пономарев. Лев Борисович сразу же встретился с П. И. Лебедевым-Полянским и об этом разговоре сообщил Б. П. Городецкому (в то время — заведующему Архивом ИРЛИ). Как писал Модзалевский, директор Пушкинского Дома «сказал, что вопрос о передаче рукописей в Музей Пушкина не так прост, как думают в Музее, и что он будет настаивать на их оставлении у нас, тем более что постановление правительства выполнено в отношении хранения их в одном учреждении — Академии наук и что нахождение части рукописей в Ленинграде есть внутреннее академическое дело. Он очень был недоволен самовольным распоряжением В. Д. Бонч-Бруевича о „временной“ передаче хранившихся у него в Литературном музее рукописей в Музей Пушкина. Таким образом, предстоит еще борьба, которая еще неизвестно как разрешится. Он просил ускорить присылку отзывов разных учреждений о методах хранения рукописей у нас в Институте. Мою информацию П. И. Лебедев-Полянский принял к сведению». ⁶⁶ Это письмо Модзалевский передал в Ленинград через директора академического Архива Г. А. Князева 15 мая 1940 года.

20 мая директор академической Лаборатории консервации и реставрации документов Н. П. Тихонов дал заключение об условиях хранения рукописей в московском Музее А. С. Пушкина. В нем было зафиксировано несоблюдение

⁶⁴ АРАН. Ф. 597. Оп. 3. № 30. Л. 2–2 об.

⁶⁵ Еще в начале августа 1937 года по распоряжению В. Д. Бонч-Бруевича в Гослитмузей для работы С. М. Бонди по XI тому собрания сочинений были отправлены во временное пользование пять пушкинских автографов. С лета 1939 года все попытки вернуть их в Пушкинский Дом оставались безуспешными. В начале 1940 года Рукописное отделение ГЛМ переехало в новое помещение, и 14 марта 1940 года Бонч-Бруевич, как заведующий Редакцией академического издания, распорядился передать автографы Пушкинского Дома на временное хранение в Музей А. С. Пушкина. Директор ГМП Л. И. Пономарев отказался выдать рукописи Л. Б. Модзалевскому, оставив на его доверенности резолюцию следующего содержания (она датирована 11 мая): «Вопрос о передаче рукописей А. С. Пушкина будет разрешен Президиумом АН в течение мая м<есяца> т<екущего> г<ода>. До решения Президиума нецелесообразно в данный момент перевозить рукописи в Ленинград». В результате В. Д. Бонч-Бруевич вынужден был писать в ИРЛИ письмо, в котором признал «поступок директора Гос<ударственного> Муз<ея> А. С. Пушкина по отношению этих рукописей <...> неправильным» (переписка, вызванная этим инцидентом, хранится в секторе учета РО ИРЛИ).

⁶⁶ Там же.

основных требований, предъявляемых к хранению особо ценных архивных документов и гарантирующих их долговременную сохранность: рукописи «помещаются в отдельной комнате, рядом с залой для занятий,⁶⁷ а сами документы хранятся в обычном железном бухгалтерском шкафу <sic!>. Никаких мероприятий по соблюдению нормального режима по температуре и влажности и полной изоляции от действия газовой среды не установлено».⁶⁸

Следующим днем, 21 мая, датирован акт, который подписали авторитетные специалисты в области архивного дела и реставрации: директор Архива Академии наук Г. А. Князев, профессор Н. П. Тихонов и ученый консультант центральных государственных архивов в Ленинграде В. К. Лукомский. Комиссия «произвела детальный осмотр хранилища Пушкинского фонда» ИРЛИ и «пришла к следующим выводам»:

«1. Помещение, где хранятся рукописи Пушкина, является совершенно изолированным, с каменным полом, железными решетками и ставнями, изолирующими яркое солнечное освещение, и полностью неопасным в пожарном отношении. Вход в помещение хранилища закрывается железной дверью. Никаких работ в самом помещении, где хранится Пушкинский фонд, не производится.

2. Автографы Пушкина хранятся в двух несгораемых шкафах, остальные документы — в двух деревянных шкафах, в картонных папках с изолирующими бумажными прослойками.

3. Температура помещения — нормальная. Излишков влажности не замечается, а при обследовании самих документов ни поражений плесенью, ни насекомых не обнаружено. Общее состояние документов — хорошее.

За состоянием документов производится систематическое наблюдение ответственным их хранителем.

Общий режим хранения, согласованный с указаниями ЛКРД АН, поддерживается систематически и для контроля за ним ведется ежедневное наблюдение за температурой и относительной влажностью, в свою очередь контролируемое точными приборами ЛКРД АН.

4. Комиссия считает, что как состояние документов, так и методы хранения при соответствующих возможностях в Архиве Института литературы являются нормальными и никаких явлений, угрожающих изменению состояния документов в их дальнейшем хранении, не наблюдается».⁶⁹

⁶⁷ Такое неизолированное расположение хранилища пушкинских рукописей привело к тому, что в конце 1938 — начале 1939 года, во время проветривания сейфов, был украден автограф стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», ранее хранившийся в Ленинской библиотеке. 13 марта 1939 года по ИМЛИ был издан приказ И. К. Луппола, которым М. А. Цявловский был отстранен от заведования Сектором рукописей «как не обеспечивавший надлежащую организацию охраны государственных ценностей». На этом фоне в октябре 1939 года Л. Б. Модзалевский получил предложение Л. И. Пономарева, заведующего Музеем, возглавить Сектор рукописей ГМП (см.: ИРЛИ. Ф. 187. Оп. 2. № 119. Л. 3–7; небольшие фрагменты процитированы в статье: Хитрово Л. К. Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 15–16). Назначение Л. Б. Модзалевского на должность заведующего не состоялось, так как Музей А. С. Пушкина, видимо, не смог принять условия ученого. История о пропаже пушкинского автографа в ГМП и административных последствиях этого чрезвычайного происшествия подробно рассказана К. П. Богаевской (см.: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 14–16; также см.: ИРЛИ. Ф. 387. № 243. Л. 4, 5; НИОР РГБ. Ф. 645. Карт. 46. № 9).

⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 150. Оп. 15. № 45. Л. 61, 62. Свидетельства об отсутствии необходимых условий для хранения рукописей встречаются и в частной переписке пушкинистов, относящейся еще ко времени работы выставки. Так, например, 11 января 1938 года Б. С. Мейлах в письме из Москвы предупреждал Д. П. Якубовича: «Если Вы пожелаете работать на Пушкинской выставке, то учтите — в комнате хранения рукописей (где работают пушкинисты) очень холодно, она не отапливается» (Там же. Ф. 800. № 144. Л. 5).

⁶⁹ Там же. Ф. 150. Оп. 15. № 45. Л. 64, 65.

Из этих двух документов прямо следовало, что Пушкинский Дом обеспечивал более высокий и надежный уровень хранения рукописей и что перемещение их в Москву, в худшие условия и необустроенное помещение, было бы нецелесообразно.

Так, в сохранении за Пушкинским Домом его главного архивного фонда оказались важны не только усилия руководителей Института и хранителей его Рукописного отдела, но и само хранилище — бронированное помещение в здании бывшей Петербургской морской таможни, где Пушкинский Дом обосновался в 1927 году. Тогда же это особое помещение получило и свой новый статус — хранилища рукописей поэта, которое в пушкинодомском обиходе называлось комнатой-сейфом.⁷⁰

Представленные архивные документы позволяют высказать предположение, что тактика «мягкого саботажа», избранная Пушкинским Домом в ходе тотального изъятия пушкинских материалов из архивов, музеев и библиотек ради создания нового московского музея, помогла в конце 1930-х — начале 1940-х годов не только сохранить Пушкинский фонд, но и избежать при этом новых репрессий по отношению к самому Институту. Неизвестно, как бы могло разрешиться административное противостояние (или «борьба», если вспомнить слово Л. Б. Модзалевского) между ИРЛИ и ИМЛИ, но в этот процесс вмешались обстоятельства «непреодолимой силы». Одно из них — тюремное заключение директора ИМЛИ академика И. К. Луппола, арестованного по ложному обвинению в сентябре 1940 года. Другим внешним фактором, прервавшим нарастающий драматизм событий вокруг исполнения постановления № 256 СНК СССР от 4 марта 1938 года, стала Великая Отечественная война. В самом ее начале фонды Государственного музея А. С. Пушкина, наряду с другими музейными и архивными собраниями Института мировой литературы, были эвакуированы в Ташкент и Томск, где сохранялись «в свернутом и упакованном виде», что «требовало непрерывного наблюдения и контроля и принятия разного рода профилактических мер».⁷¹

В марте 1945 года Музей А. С. Пушкина был реэвакуирован в Москву, но из-за отсутствия помещения⁷² и штатов оставался в законсервированном виде.⁷³ Распаковали только ящики с пушкинскими рукописями. Они были «временно развернуты в архиве Горького на ул. Воровского», где московские пушкинисты, как сообщала Т. Г. Цявловская Б. В. Томашевскому 4 мая 1946 года, работали для академического собрания сочинений. В этом же письме Т. Г. Цявловская подняла «очень большую и тяжелую тему» о возникшем в Академии наук плане перевода московского Музея А. С. Пушкина в город Пушкин под Ленинградом. Своё отношение к грядущим переменам Цявловская формулировала в письме ленинградскому коллеге чрезвычайно резко и откровенно: «Московский Музей, созданный постановлением Совнаркома, не может и не

⁷⁰ Десятилетия спустя это название удостоилось отдельной статьи: Новое в русской лексике. Словарные материалы — 82 / Под ред. Н. З. Котеловой. М., 1986. С. 87; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1997. С. 353. Пушкинский фонд сохранялся в комнате-сейфе до 2001 года, когда Рукописный отдел переехал в новое здание во дворе Института, специально построенное для архива к 200-летию рождения Пушкина.

⁷¹ См.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. С. 203. Об этом также см. в личном деле М. М. Калаушина (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 702).

⁷² После закрытия Всесоюзной Пушкинской выставки за Музеем А. С. Пушкина временно (до предстоящего переезда в собственное здание) были закреплены 17 залов в Историческом музее, но после войны ГИМ не принял на свою территорию Пушкинский музей, так как развернул в этих залах собственную постоянную экспозицию.

⁷³ См.: *Курилов А. С.* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук. Предпосылки. Предыстория. Начало. Становление. С. 273.

будет аннулирован. Достаточно Пушкин испытал ссылок при жизни, чтобы быть застрахованным от посмертных ссылок! Поэтому, пусть эта забота не гнетет Вас, что будет, если моск<овские> рукописи вольются в архив Пушк<инского> Дома. Не волнуйтесь! Не вольются!»⁷⁴

Проект «По организации Всесоюзного музея А. С. Пушкина и восстановлению музейных памятников г. Пушкина в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина» возник в конце ноября 1945 года. Вместе с сопроводительным письмом его представил в правительство новый президент Академии наук СССР С. И. Вавилов.⁷⁵ Предполагалось, что Институт русской литературы будет переведен в город Пушкин и разместится в зданиях Царскосельского Лицея и Александровского дворца, туда же переедут Библиотека, Рукописный отдел и два музея — собственно пушкинодомский и Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Под этим новым названием должен был возобновить свою деятельность в составе Пушкинского Дома довоенный Государственный музей А. С. Пушкина, фонды которого после возвращения из эвакуации оставались законсервированными. Этот проект вызвал активное противодействие московских пушкинистов — прежде всего, М. А. и Т. Г. Цявловских и С. М. Бонди. По их инициативе в конце 1946 — начале 1947 года в высшие правительственные инстанции были направлены коллективные и личные обращения против перевода московского Музея А. С. Пушкина в бывшее Царское Село.⁷⁶ Письма в защиту музея, основанного «волей советского народа и распоряжением советского правительства», подписывали выдающиеся деятели науки, искусства, литературы и театра.⁷⁷ Адресатами обращений московской «общественности» были И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов (тогда заместитель председателя Совета министров СССР). Одно из писем от 4 января 1947 года было подписано В. Д. Бонч-Бруевичем, М. А. Цявловским, С. М. Бонди и Г. О. Винокуром — участниками академического издания Пушкина, которых изменение «прописки» московского музея затрагивало и лично. В основных положениях этого письма К. Е. Ворошилову отражена позиция московских пушкинистов, которую ранее так эмоционально высказала Т. Г. Цявловская в частном письме. Теперь эта позиция формулировалась в официальном документе, но с той же эмоционально зыбкой аргументацией:

«Глубокоуважаемый Климентий Ефремович!

Мы решаем обратиться к Вам, встревоженные сведениями о предполагаемом переводе Музея А. С. Пушкина, со всеми его фондами, в том числе — *рукописными* (курсив наш. — Т. К., В. Т.), в г. Пушкин (б<ывшее> Царское Село). <...>

Вокруг музея сплотилась значительная группа ученых-пушкинистов, организовавшая планомерную научную работу по изучению жизни и творчества Пушкина.

На время войны вся эта работа была приостановлена, но возродить ее полностью до сих пор не удавалось из-за отсутствия помещения.

Однако перевод музея из Москвы в г. Пушкин был бы равносильен его прямой ликвидации. Гор. Пушкин лежит в развалинах. Если он будет восстановлен, то это будет город-музей, в осмотре которого преимущественную роль

⁷⁴ Цит. по: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 266–267.

⁷⁵ Подробно об этом см.: Солдатова Л. М. Традиция памяти Пушкина на виражах политической жизни России XX века. С. 179–191.

⁷⁶ См., например, фрагменты дневниковых записей М. А. Цявловского, опубликованных в кн.: Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 267.

⁷⁷ Эти документы опубликованы Н. Б. Волковой (Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 53–58).

будут играть архитектурные памятники и парки, а Музей Пушкина естественно отойдет на последнее место. Если же город не будет восстановлен, то ради одного Музея Пушкина никто не станет ездить так далеко.

Ясно, что и научно-исследовательскую работу музея в г. Пушкине развернуть не удастся. Переселение туда на жительство ученых — нереально, да и работать там, в отрыве от крупных столичных книгохранилищ, от центральных научных и учебных заведений, было бы невозможно. <...>

И неужели же Москва только для того получила первоклассный Пушкинский музей в столетнюю годовщину смерти поэта, в 1937 году, чтобы спустя двенадцать лет в день 150-летия дня рождения поэта, этого музея лишиться?»⁷⁸

Подробный ответ Президиума Академии наук с аргументированным обоснованием главных положений своего масштабного проекта по созданию под Ленинградом гуманитарного научного центра — в своем роде «Русского Веймара», убедил К. Е. Ворошилова. «План развертывания деятельности Государственного музея А. С. Пушкина, находящегося в системе Академии наук», он счел, «в основном, правильным и целесообразным».⁷⁹

2 июня 1948 года было подписано распоряжение № 508 Президиума Академии наук СССР, которое обязывало «Институт мировой литературы им. А. М. Горького передать Институту литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде все архивные и музейные фонды, принадлежащие Музею А. С. Пушкина, необходимые для подготовки к 150-летию юбилею со дня рождения А. С. Пушкина и для организации в г. Пушкин Всесоюзного Пушкинского музея».⁸⁰ Передача «Пушкинских фондов» должна была пройти «безвозмездно, со всем относящимся к ним музейно-хозяйственным инвентарем и экспозиционным оборудованием». Специальная комиссия, созданная Институтом русской литературы в соответствии с этим распоряжением (ее возглавил заведующий Музеем Пушкинского Дома М. М. Калаушин), с 22 июня по 10 августа обеспечила весь комплекс работ по перевозке фондов и музейно-хозяйственного оборудования Государственного музея А. С. Пушкина — от проверки фондов в Москве до их получения в Пушкинском Доме.

Начало работы Комиссии было омрачено трагической гибелью Льва Борисовича Модзалевского. Он был командирован в Москву по телеграмме С. И. Вавилова — для «приемки пушкинских музейных и архивных фондов».⁸¹ Телеграмма была отправлена поздним вечером 25 июня. На следующий день Л. Б. Модзалевский с коллегами выехал поездом из Ленинграда. В пути произошла роковая случайность: он выпал из двери тамбура, открывшейся во время движения поезда, недалеко от Вышнего Волочка.⁸² Некролог в «Ленинградской правде» подписали президент АН СССР С. И. Вавилов, академики В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский, Н. С. Державин, коллеги-пушкинородцы Б. В. Томашевский, М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, Б. М. Эй-

⁷⁸ Там же. С. 55.

⁷⁹ Там же. С. 58. О письме С. И. Вавилова и реакции на него К. Е. Ворошилова см. дневниковую запись Т. Г. Цявловской от 17 марта 1947 года: «О музее Пушкина уже давно Пономарев сказал мне, что он сам прочел бумагу, присланную Фадееву. И увь! все подтвердилось. Бумага эта — возражения Вавилова главн. образом последнему письму пушкинистов (Ворошилову) — по пунктам. Возражения „наивны“ до крайности. Вроде в Англии музеи находятся вне города. Ворошилов на письме Вавилова сделал помету „Согласен“» (Цявловский М. А., Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. С. 121).

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 724. Л. 299.

⁸¹ См.: Там же. Л. 297.

⁸² Конспирологическая версия А. Лациса и В. Козаровецкого о причастности к гибели Л. Б. Модзалевского Министерства государственной безопасности, появившаяся в периодической печати в середине 1990-х годов, бездоказательна и документально не подтверждена.

хенбаум, М. К. Азадовский, В. П. Адрианова-Перетц, В. А. Десницкий, директор Архива АН СССР Г. А. Князев и др.⁸³ Прием автографов А. С. Пушкина и Пушкинианы, которые были сосредоточены в Секторе рукописей Государственного музея А. С. Пушкина, начался 27 июня — без Л. Б. Модзалевского. Пушкинские рукописи, как особо ценный «груз», были отправлены в Ленинград отдельно от других фондов Музея — «через Спец<иальную> связь Московского почтамта, что обеспечило их полную сохранность и срочность доставки».⁸⁴ В июле 1948 года пушкинские рукописи из ГМП «влились в архив Пушкинского Дома» — для дальнейшего присоединения к фонду 244 — Пушкинскому, который в свое время сформировал Л. Б. Модзалевский.

Таким образом, постановление № 256 СНК СССР от 4 марта 1938 года было, наконец, исполнено — в той его части, которая касалась концентрации автографического наследия Пушкина, но при этом право хранения воссоединенного архива поэта было передано Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) в Ленинграде.

Вернемся к вопросам, поставленным в начале статьи. Было ли возможно «справедливое» разрешение конфликта, изначально заложенного в правительственном постановлении № 256 о реорганизации Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве? И может ли лежать на Пушкинском Дому «историческая вина» за последствия тотального изъятия пушкинских документов из государственных архивов, музеев и библиотек, предпринятого для этого Музея во второй половине 1930-х годов в соответствии с решениями правительства? Вероятнее всего, судьба Государственного музея А. С. Пушкина сложилась бы иначе, если бы ему своевременно предоставили собственное здание в столице. Однако в его отсутствие невозможно было обеспечивать сохранность богатых фондов Музея, которые пребывали в «свернутом» состоянии с 1941 года (не говоря уже об изучении этих фондов!). Предлагаемое сегодня в качестве акта восстановления «справедливости» возвращение архивных и музейных ценностей по своим «родным адресам», которое не состоялось после закрытия Всесоюзной Пушкинской выставки 1937 года, могло произойти только при одном условии — отмене постановления Совнаркома от 4 марта 1938 года. В обстановке послевоенного времени это было нереально. Компромиссное решение, принятое Академией наук СССР в июне 1948 года, в исторической перспективе, как нам представляется, оказалось взвешенным и оправданным — прежде всего, в интересах хранения рукописного наследия Пушкина и его академического изучения.

⁸³ См.: Ленинградская правда. 1948. 30 июня. № 153.

⁸⁴ АРАН. Ф. 456. Оп. 1. № 218. Л. 1 об. (из докладной записки зам. директора ИРЛИ Т. И. Шаргородского). Все имущество Государственного музея А. С. Пушкина, переданное Пушкинскому Дому, заняло «13 вагонов и 7 контейнеров <...> общим объемом порядка 150 тонн в количестве 1144 мест» (Там же. Л. 1).